

рассказ

ЖЕНИТЬБА ПОЭТА

Тали Рахим
(1892–1943)*Правда ли, что любовь твоя
в веках меня искала?*

Рабиндранат Тагор

*В мире есть только одна красота –
мечта, бесценная мечта.*

Эдмон Ростан

105

ОН БЫЛ поэт. Как его имя – не так важно, достаточно того, что вы примите, что он всё-таки был поэт. Впрочем, ваше дело... Я не собираюсь убеждать вас, перечислять и оценивать всё его творчество. К тому же мой рассказ не совсем о том, к чему вы приготовились...

Итак, он был поэтом. С тех пор, как наш поэт начал писать, из под пера его выходили, возможно, не только совершенные вещи. Были, наверное, и не совсем удачные. Явится ли на белый свет когда-нибудь совершенный человек, в том числе и поэт, – сказать трудно. Во всяком случае, для меня он был всё-таки достойным поэтом. Многие из написанного им было вполне приемлемо. По мне так, быть поэтом, не значит, что всё созданное тобой гениально. Иначе многих пришлось бы лишиться этого звания. Не так ли?

По словам некоторых знатоков поэзии, стихи его были чувственны. Ритм немного прихрамывал, но не сказать, что это сильно бросалось в глаза. Небезынтересны были и темы, стиль – тоже на уровне.

Прошу простить мою многословность – кто из нас не без греха!.. Но я хочу поведать вам в своём рассказе прежде всего историю любви и женитьбы моего поэта.

Раньше (когда он ещё только начал писать) наш поэт не был ни в кого влюблён. Как сказали бы некоторые философы, его душа была подобна «чистой доске». Не было ещё ей ведомо чувство любви. Естественно, что поэт всячески стремился обрести её. Пламенные юношеские стихи поэта были преисполнены чаяниями любви. Помнится мне одно из таких стихотворений:

«Вы говорите, что есть на свете любовь. Где она? Дайте её мне! Есть ли на свете другой такой человек, который, как я, страждет любви? Но я не нахожу её. Она подобна сну. Где же богиня моей души? Где нежная повелительница моего сердца? Я вижу её глаза цвета небесного сапфира, чёрные брови, подобные морской волне волосы, слышу её серебристый голос... Но, ах, где всё это? Только в бескрайнем мире туманных грёз. Порою в этом мире сновидений я едва прикасаюсь к её алым губам. Пробудившись, я шлю проклятия этому миру. Если бы смерть была подобна сну, я бы не жил ни минутой долее – тотчас бы умер. Где же ты, богиня моей чистой и светлой любви? Где ты, царица моего сердца? Тебя нет, но ты есть, я вижу тебя и не вижу, знаю и не знаю, целую и не целую. Вы говорите, что любовь есть? Где она? Дайте же её мне!»

Вот какими были его стихи. По молодости поэт не достиг в них совершенства формы, но нельзя было отказать ему в пылкости чувств.

Итак, в продолжение нескольких лет любовь жила только в воображении нашего поэта. За это время он успел написать несколько прекрасных стихотворений, но настоящая любовь, о которой он так мечтал, всё никак не приходила, путешествуя по «вселенной идеала». Поэт, однако, не терял надежды и ждал, что однажды любовь, словно мотылёк, опустится к нему.

Наш поэт свято верил в то, что любовь к живой девушке является первым условием творчества. Ему казалось, что только тогда, когда придёт

такая любовь, его поэтический дар раскроется во всей своей силе, и он напишет самые красивые свои стихи.

Итак, он искал и никак не мог найти в этом брэнном мире свою любовь. Порою ему казалось, что он нашел её. Но всякий раз, когда поэт произносил про себя «кажется, я влюбился», любовь тотчас рассеивалась, словно в воздухе пыль. Каждый раз, когда он шептал «моя богиня», богиня эта превращалась в обыкновенную земную девушку и низвергалась с трона.

Видя, как страдает наш поэт, богиня любви, в конце концов, проявила к нему свою милость: он влюбился.

Здесь надобно сказать, что любовь у нашего поэта случилась по заказу. Вы не знаете, что значит влюбиться «по заказу»? Это подобно тому, как если бы вы заказали портному пошив какой-либо одежды. Делая заказ, вы ведь представляли себе, какой должна быть эта ваша будущая вещь, а случись, что пошитое окажется не таким, каким её ожидали. Вряд ли вы примете его работу.

Поэт «заказал» свою возлюбленную миру грёз: чернбровая, с вьющимися чёрными волосами, с глазами цвета сапфира. Конечно, было в этом «заказе» множество и других достоинств, но не все они подвластны человеческому слову.

Вот какой должна была быть возлюбленная нашего поэта. Кто знает: не прояви богиня любви своей милости, поэт, быть может, никогда бы и не повстречал такой девушки. Но богиня оказалась милостивой: такая девушка явилась нашему поэту, и он влюбился в неё с первого взгляда. На сей раз он понял, что это – та самая настоящая любовь.

Итак, поэт удостоился чести быть влюблённым. Не буду здесь особо распространяться о страданиях поэта, его бессонных ночах, вздохах, о том, как он беспрестанно (до тысячи раз в день) повторял имя своей возлюбленной (ему, конечно же, казалось, что это самое красивое из всех существующих в мире имён). Во-первых, об этом уже много

написано (начиная от древнегреческих философов, которые сочинили по этому поводу свои объёмные трактаты). Вторых, если вы хоть единожды в своей жизни были влюблены, то вам это состояние знакомо не хуже поэта. А коли вам не ведомо ещё это чувство, то остаётся только сожалеть: напиши я здесь хоть тысячу страниц, всё равно не поймёте. Впрочем, вряд ли ваше чувство соизмеримо с любовью поэта. Умножьте его в пять, десять раз – тогда, быть может, оно сравнится с его чувством. Правда это или нет, но наш поэт думал именно так. Он был убеждён, что любовь поэта вдесятеро сильнее любви простых смертных. Возможно, он и заблуждался, и его любовь ни на йоту не превосходила любви обыкновенных людей, а может, даже и уступала их чувству. Но ведь каждый, кто впервые испытал его, непременно хочет считать любовь своей монополией. Будто он первый открыл сущность того, что зовётся в мире любовью и именно его любовь – неземная, божественная, небесная! Что тут скажешь? Старо, как мир...

Вы, может, хотите знать, кем была возлюбленная поэта? Я не скажу вам. То была очень красивая девушка с глазами цвета небесной волны. Более мне нечего сказать. Если же вы настаиваете из любопытства (такого слова нет в татарском языке, что, однако, не даёт права утверждать отсутствие самого любопытства у нашего народа), то достаточно лишь того, что её знал сам поэт, ну и, конечно, я. Для вас же это пусть останется тайной...

С тех пор как поэт влюбился, он почувствовал в себе одну странную перемену. Неожиданно наш герой перестал творить, из под его пера перестали выходить страстные, вдохновенные стихи. Будучи уверенным, что только любовь даёт творческое вдохновение, он, разумеется, ожидал, что с приходом любви из-под пера его сами собой польются прекрасные стихи. Но, к величайшему его огорчению, этого не случилось. Напротив, любовь словно лишила его поэ-

тического вдохновения. Поэт, естественно, был удивлён этому, но огорчаться не стал: переживать утрату у него не было сил – он был полностью захвачен своим новым чувством. Теперь для него не было ничего важнее, чем постоянно быть рядом со своей возлюбленной и, сидя напротив, смотреть в её глаза. Не исключено, что в этом был повинен идеализм поэта: найдя свой идеал на земле, он уже считал ненужным вздыхать о небе.

«Почему бы тогда поэту не воспевать свою возлюбленную в стихах?», – спросите вы. Отвечу: «Зачем восхвалять для кого-то возлюбленную, когда ты находишься рядом с ней?» Хотя, сказав «рядом с ней», нельзя не упомянуть об одной странности поэта. Он с удивлением обнаружил, что ему нравилось, когда он какое-то время не виделся со своей возлюбленной. Запечатлённый в его душе её образ представлялся поэту особенно притягательным. Конечно, и эта странность происходила из его идеализма. Но разве каждый поэт, каждый влюблённый не является идеалистом?

Как бы то ни было, поэт продолжал быть влюблённым. В конце концов, такая чистая любовь наскучила ему, и в один из дней он принял решение жениться. Как видим, поэт не так долго парил в небесах – крылья любви оказались слабыми, и он (пусть пока и мысленно) решил спуститься с небес на грешную землю. Я не собираюсь осуждать поэта за эту мысль. Каждый волен поступать, как хочет. Видно, природа наградила нас привычкой к семейной жизни.

Решение жениться оказалось для нашего поэта сродни греху Адама, вкушившему запретный плод. С каждым днём он стал обнаруживать в своей возлюбленной земные черты, и это всё более отдаляло его душу от прежнего идеала. Любовь поэта с каждым днём угасала.

Однажды, почувствовав, что любовь вот-вот придёт конец, он откинул её словно ненужный, сдавливающий шею

хому. Сбросив его, он почувствовал, что душа снова устремилась к миру поэзии, вновь ощутила райское наслаждение чувственности. Из-под его пера снова один за другим стали появляться на свет стихотворения. Да, это была уже другая поэзия: она была пронизана пессимизмом, страданием, но в них была красота, была душа.

Знаю: вам не терпится узнать, женился ли наш поэт. Нет, не женился – как и прежде, остался одиноким поэтом. Женись он, быть может, был бы сейчас одним из самых несчастных людей на свете. Впрочем, не исключено, что он мог бы стать и счастливым отцом семейства. Но он предпочёл остаться поэтом. Возможно, вы возразите мне: назвал рассказ «Женитьба поэта», обещал рассказать о его женитьбе, а в итоге... Что мне ответить на это? По правде говоря,

это была всего лишь метафора. К сожалению, я забыл заключить это слово («женитьба». – М. И.) в кавычки. К тому же, желая сохранить ваше внимание до конца рассказа, я всячески старался возбудить в вас интерес к женитьбе поэта. С моей стороны это была маленькая хитрость. Может быть, не-женитьба поэта расстроит читателей, которые привыкли к тому, что романы и рассказы заканчиваются свадьбой влюблённых. Но... Но что я могу поделать, если мой поэт не захотел жениться? Он не женился, вот и вся истина!

Я же в качестве эпилога приведу здесь слова знаменитого и известного своей язвительностью философа Ницше: «Много кратких безумий – вот что вы называете любовью. И ваш брак кладёт предел множеству кратких безумий – одной большой и долгой глупостью».

Сломанные крылья

послесловие

В одном из писем своей жене Айше, написанном из Беломоро-Балтийского исправительного трудового лагеря НКВД (здесь писатель, обвинённый в «султангалеевщине» и приговорённый к пяти годам заключения, отбывал наказание с мая 1932 года по август 1934-го), Гали Рахим вслед за описанием лагерного быта сообщает о своём любовании северной природой: лесом, гранитными валунами. Это, безусловно, характеризует его как натуру поэтическую, человека, который в суровых условиях лагерной жизни сохранил в себе чувство прекрасного. Такова была его сущность. Он был личностью, далёкой от чисто житейских волнений, целиком погруженной

в литературное и научное творчество.

Этот путь Гали Рахим выбрал вопреки воле отца, состоятельного казанского купца Мухамметшакира Абдрахимова, который хотел приобщить своего сына к коммерции (по его желанию, по окончании медресе «Мухаммадия» Гали Рахим учился сначала в Казанском коммерческом училище, затем – в Московском коммерческом институте). Впрочем, это не единственный случай, когда дети состоятельных татарских предпринимателей начала XX века стезе своих родителей предпочли литературную деятельность. Таковым, например, был и Ахметгерей Хасани (сын из-